

С.А. Ганус

**ОБРАЗ СОСЕДНЕЙ СЛАВЯНСКОЙ СТРАНЫ В УКРАИНСКОМ ВИДЕНИИ
(РЕФЛЕКСИИ ПО ПОВОДУ КНИГИ: КРИЛЬ М. ІСТОРІЯ СЛОВАЧЧИНИ)**

Появление едва ли не первого в Украине страноведческого пособия по истории соседней Словакии (Криль М. Історія Словаччини. Навчальний посібник. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2006. 263 с.) следует рассматривать как отрадный факт. Можно было бы сослаться при этом на словакистический вакуум (что и делает сам автор на с. 7), который лишь частично восполняем разрозненными публикациями в узкоспециальных изданиях, материалах научных конференций, статьями энциклопедического характера да случайно появляющимися на книжном рынке Украины работами словацких и российских историков. На наш взгляд важнее другое. В пособии, предназначенном для широкого круга читателей, как профессионалов, так и любителей, представлен образ восприятия соседней славянской страны, во многом схожей с Украиной своими историческими судьбами. А создание этого образа имело объективные трудности в том смысле, что история Словакии длительное время не имела самодовлеющего значения и рассматривалась в контексте истории Венгрии, Австро-Венгрии, Чехословакии. Поэтому речь идет об одной из первых в украинской историографии попыток апробации научной концепции истории соседней страны и ее народа. Ей предшествовали лишь отдельные главы, посвященные Словакии в общих курсах по истории южных и западных славян В.И. Ярового¹.

В броделевском духе, с главы «Земля и страна», М.М. Криль начал изложение истории Словакии. Природно-географическая характеристика, по его мнению, «поможет сформировать пространственное представление о ней как стране», а естественные природные рубежи (орографические, ландшафтные и др.) определяют «мозаичность среды, в которой развивается общественная деятельность» (с. 9). Если учесть при этом содержание последующих глав, то автор действительно оказался близок к историко-географической парадигме Ф. Броделя, который выражал убеждение в том, что «сами географы уже давно объявили о своей капитуляции: определяющим фактором является для них не земля, природа или же «среда», но история и человек... Он наследует и продолжает дела, поступки и свершения, навыки и предания тех, кто до него жил на его земле и формировал ее облик»².

Именно преемственность поколений народов, населяющих территорию современной Словакии и взаимодействующих между собой в различных формах

(естественно, с преимущественным вниманием к нынешнему титульному этносу) являлась определяющей в представлении исторических структур и событий в контексте определенных эпох. Дискретность исторического времени имела своим критерием эволюцию государственно-политических форм на территории Словакии, что для вузовского пособия является естественным. История страны прослеживается от древнейшей эпохи до современности.

Мы не станем подробно рассматривать содержание каждой из глав, а остановимся на моментах концептуального характера. Работа лишена столь популярной в учебниках последних двух десятилетий, издающихся на постсоциалистическом пространстве, телеологии, демонстрирующей развертывание вневременной тенденции по созданию национального государства, что составляло, якобы, чаяния народа во все времена³. Генезис словацкой нации представлен как процесс постепенного и далеко не линейного накопления черт этничности, что нашло свое отображение, прежде всего, в культуре. Отсюда — весьма значительное внимание, проявленное автором к соответствующим вопросам. Хочется отметить, что М.М. Криль сумел избежать мало что объясняющего «регистрационного» подхода в показе тех или иных достижений в литературе, искусстве, научном знании, образовании и т. д. Налицо — подтвержденная фактами целостная концепция культурного развития страны с оценками влияния привходящих обстоятельств (пребывание в составе иных государств, конфессиональное противостояние католиков и протестантов во времена Реформации, ассимиляционистская политика венгерского правительства на рубеже XIX–XX вв. и т. д.). По его словам, до конца XVIII в. «готовилась почва для национального словацкого Пробуждения» (с. 79). С этого момента речь пошла о культурно-национальном развитии со всевозрастающим ощущением собственного своеобразия, ибо на протяжении предшествующего времени «словацкая культура развивалась во взаимодействии с венгерской» (с. 79). К примеру, в самом начале национального Пробуждения Й.И. Байза (1755–1836) писал свои произведения еще «венгерской словачизной», как называлось наречие, на котором стали производиться первые словацкие литературные опыты.

Особое, конечно же, не случайное внимание, проявляемое М.М. Крилем к вопросам кодификации словацкого литературного языка в конце XVIII – 1-ой половине XIX в. вполне соответствует уровню разработки теоретических вопросов, связанных с процессами так называемого национального Пробуждения (или же Возрождения, хотя к условиям Словакии более применим термин «Пробуждение», как раз и используемый автором). Польский славист Ю. Хлебвчик совершенно верно маркировал эти процессы у безгосударственных народов Центрально-Восточной Европы следующими вехами: от общего языка к национальной общности и затем — к собственному государству, придавая, таким образом, дискуссиям по языковому вопросу значение стартового импульса консолидации нации и создания национального государства⁴. Действительно, именно в конце XVIII в. с момента первых выступлений А. Бернолака и Ю. Фандли, которые утверждали, что самобытность словаков зиждется, прежде всего, на их языке начинается отсчет ритма национального Пробуждения, соответствующего в это время так называемой академической фазе формирования нации по М. Гроху.

Известнейший знаток вопроса, словацкий историк В. Матула, в частности, утверждал, что для словацкого национального движения его «языковой»

характер является типичным, обусловленным не только политикой национального гнета и насильственной ассимиляцией, проводимой венгерскими господствующими классами, но и, прежде всего, задачами и потребностями самого процесса формирования нации и национально-освободительного движения. Общенациональный литературный язык рассматривался лидерами национального Пробуждения как важный «сплачивающий» фактор, способный компенсировать такие объективные недостатки, как отсутствие единого национального городского центра (можно даже сказать — своего рода словацкого аналога Пьемонта — С.Г.), географическую разобщенность словацкой этнической территории, экономическую, административно-политическую и культурную изолированность ее отдельных областей из-за слабо развитых коммуникаций и т. д. Наконец, отмечает В. Матула, принятие словацкого языка в качестве общенационального должно было способствовать не только развитию национальной культуры, особенно литературы, но и борьбе за национальное равноправие словаков. Таким образом, резюмирует историк, словацкий литературный язык стал важным идеологическим средством национальной консолидации словацкого народа⁵. Поэтому, в соответствующем разделе рассматриваемой книги страницы (с. 110–114), посвященные вопросу кодификации словацкого литературного языка, насыщенные конкретикой изложения, в частности, показом конкуренции двух предлагаемых вариантов нормативного языка — бернолаковщины, распространенной в католической среде и библейщины — языка чешской протестантской Библии XVI в., а также попыток их синтеза, предпринятых М. Гамуляком, читаются с особым интересом.

Возвратившись к трехстадиальной модели формирования нации М. Гроха, отметим, кстати, что этот авторитетный теоретик отводил словацкому национальному Пробуждению хронологический диапазон 1830–1870-х гг., призывая не переоценивать значения первых выступлений в пользу своеобразия словацкого языка как естественной реакции на опасность германизации или же мадьяризации словацкого народа⁶. В. Матула, анализируя исторические факторы и обстоятельства словацкого национального Пробуждения, в свою очередь, делал вывод об общей «неполнокровности» и незавершенности этого процесса, который растянулся на гораздо более длительное время, чем у других народов Центральной Европы и развивался не всегда прямолинейно⁷.

Поэтому, понимая авторскую логику членения процесса формирования словацкой нации с выделением периода с конца XVIII в. и по 1840-е гг., а также особого акцента на влиянии революции 1848–1849 гг. как следования определенной традиции изложения материала в учебных пособиях (в том числе из методических соображений), а также учета значения «предмартовского» периода полагаем, что все же мнения М. Гроха и В. Матулы заслуживали того, чтобы быть упомянутым. Мотивацией этому является объективно присущая словацкому национальному Пробуждению специфика, кстати, имеющая многие черты сходства с аналогичными процессами, происходившими в украинских землях, особенно — западных, входивших, как и словацкие территории, в состав империи Габсбургов.

По последнему поводу хочется предложить несколько собственных соображений. Еще в 1980-х годах В. Матула писал о языковой составляющей процесса словацкого национального Пробуждения, как сложном, противоречивом и не имеющем аналогов в историческом развитии других славянских народов явлении⁸.

Пояснением этому является тот факт, что проблематика украинского национального Пробуждения если и изучалась каким-либо образом в то время, то, по крайней мере, не являлась приоритетной, ибо могла повлечь за собой обвинения в националистическом уклоне. Лишь диаспорная историография серьезно занималась этими вопросами. Ныне же в плане аналогий с процессами национального Пробуждения у иных славянских народов, в частности у словаков, просматривается большая ясность. И у словаков, и у украинцев многое в этом если и не представляет собой зеркального отражения, то выглядит сходным, конечно же, с учетом конкретно-исторических обстоятельств времени и места. В обоих случаях имеет место замедленный, неравномерный темп развития этнического самосознания, как и национальной общности в целом. Не могло сыграть консолидирующей роли и национальное привилегированное сословие в силу отсутствия такового. Уже на раннем этапе национального движения сословная принадлежность словацкой шляхты к «*patio hungarica*» привела ее, за редким исключением, в лагерь мадьяр⁹. В Украине же, после ликвидации Гетманщины на рубеже XVIII–XIX вв., особенно после распространения на казацкую старшину действия норм Жалованной грамоты дворянству 1785 г. процесс ассимиляции привилегированного сословия был, в основном, успешно осуществлен. Канадский историк украинского происхождения З. Когут в своем блестящем исследовании проблемы справедливо отметил, что, несмотря на преобладание в среде украинской шляхты в XVIII и начале XIX вв. двух типов настроений: ассимиляционистов и традиционалистов (последние еще стремились цепляться за былые права и вольности, унаследованные со времен Речи Посполитой), факторы в пользу интеграции оказались более сильными¹⁰. В любом случае, распространенные в среде традиционалистов оппозиционные настроения, как правило, не ставили под сомнение соображения лояльности престолу и империи¹¹. И в словацких, и в западноукраинских землях исключительную роль на начальном этапе национального Пробуждения сыграли выходцы из духовного сословия. Даже характер проблем, связанных с распространением в обороте литературных языков имеет больше черт сходства, чем различия. В частности, в обоих случаях имели место попытки конструирования искусственных синтетических языков в виде уже упомянутых опытов М. Гамуляка и язычия, получившего распространение в Восточной Галиции и Закарпатье. Опять же, на национальное Пробуждение и в Словакии, и в Украине имели значительное влияние идеи славянской взаимности, если упомянуть деятельность Я. Коллара и Кирилло-Мефодиевского братства. Кстати, колларовская концепция «чешско-словацкой ветви славянского народа» имеет удивительную схожесть с концептом «россизма», исходящим из представления о наличии супранациональной восточнославянской общности, включающей «южан» (малороссов), «северян» (великороссов), представителей маргинальных восточнославянских групп, в частности, русинов Галицкой и Угорской Руси. Все это отражало недостаточную степень зрелости национального самосознания в рассматриваемое время и у украинцев, и у словаков.

Конечно же, мы исходим из права автора использовать, или не использовать указанные аналогии. Однако, по нашему мнению, они могут помочь в создании полнокровного облика соседней страны в мозаике образов национального историко-культурного мировосприятия, могущего отталкиваться, помимо всего прочего, от объективно существующих и научно обоснованных аналогий. А вот

вопрос социальной стратификации национального Пробуждения у словаков в связи с особенностями их общественной структуры требовал более детального анализа. Современное состояние исследований этого периода в истории славян придает учету воздействия этносоциальных процессов на формирование наций, в том числе и на этапе Пробуждения (Возрождения) кардинальное значение¹². Однако, в любом случае, читатель получил в свое распоряжение книгу, содержание которой побуждает к вышеизложенным размышлениям.

Еще один момент, на котором хотелось бы остановиться, связан с унификационной национальной политикой венгерского правительства в эпоху дуализма. Неизменное игнорирование многонационального характера Транслейтании, ущемление прав народов, ее населяющих, имеющее целью конструирование венгерской политической нации является общеизвестным. Излагаемые М.М. Крилем факты активного наступления официального Будапешта на любые сколь-нибудь значимые проявления национальной жизни, в частности, у словаков, позиционирующие в науке и публицистике, как политика мадьяризации (с. 129–131), лишь подтверждают обоснованное предположение, что само существование словаков как самодовлеющей национальной общности к началу XX в. было поставлено под вопрос. К слову, опять же синхронно, эта политика совпала во времени с периодом интенсивной борьбы правительства Российской империи с украинским движением, который продолжался, с некоторыми колебаниями и перерывами, более 50 лет, с 1847 по 1905 годы¹³. Однако, следует обратить внимание на то, что в первые годы дуализма имели место некоторые шаги, которые могли внушать надежды на благоприятное разрешение национального вопроса в Транслейтании. Представители национальных движений всё больше стали понимать, что Вена преднамеренно сталкивает их друг с другом и начали искать пути к взаимному согласию с венграми. В свою очередь, венгерские политики, включая революционеров, оказавшихся в вынужденной эмиграции, осознав важность национального вопроса, целесообразность и неизбежность его скорейшего разрешения, также стремились к примирению с соседними народами. Из их числа особенно выделялись Лайош Кошут (1802–1894) и Йозеф Этвёш (1813–1871), первыми внесшие весомый вклад в решение этой сложной проблемы. В результате их размышлений усилий и появились различные предложения в интересах достижения межнационального мира¹⁴. Результатом этих вполне серьезных намерений стало принятие венгерским парламентом 6 декабря 1868 г. закона о национальностях, где содержались общие гарантии соблюдения прав населяющих владения святоистефанской короны народов. Такой относительно либеральный режим взаимодействия титульной нации и иных национальностей королевства длился до 1875 г., то есть до прихода к власти кабинета графа К. Тисы. В период его

правления на протяжении 1875–1890 годов руль национальной политики был резко переложен вправо. Уже в самом его начале одними из самых заметных событий внутривнутриполитической жизни стали первые попытки ограничения закона о национальностях 1868 года. В том же 1875 году Словацкая матица была упразднена как организация, имеющая целью подрыв устоев государства. С этого времени национальным меньшинствам было разрешено создавать только литературные и культурные ассоциации¹⁵. Иными словами, национальная политика венгерских правительств времен дуализма не всегда была лишена черт реалистично-

сти, что и воплотилось в попытках лавирования в национальном вопросе, правда, не более, чем эпизодических.

Социальная история в изложении М.М. Криля лишена устаревшего ее понимания, как бесконечного ухудшения положения народа, что влекло его к бунтам и восстаниям. Кроме того, это не история одних лишь низов. Социальная стратификация средневекового сословного общества, или же общества времен промышленного переворота и капиталистической индустриализации представлена с достаточной полнотой, что не исключало, конечно же, рассмотрение конфликтных моментов социального развития, к примеру, аграрного перенаселения в конце XIX в., или же эпизодов народных выступлений.

Новейший период в «Истории Словакии» содержит некоторые моменты, на которых следовало бы остановиться особо. Поскольку государственное строительство в Первой Чехословацкой республике не отвечало чаяниям словаков и представлявших их интересы словацких политических партий, то логичным, по мнению М.М. Криля, было развертывание автономистского движения. Это бесспорно. А вот утверждение о наличии секретной клаузулы Мартинской декларации от 30 октября 1918 г., согласно которой, якобы, обуславливался лишь 10-летний срок пребывания Словакии в составе Чехословацкой республики мы вынуждены подвергнуть сомнению, вернее — внести необходимые уточнения. Исследовав эту проблему, Н. Крайчовичова пишет о том, что вопрос, являющийся предметом так называемого секретного приложения к Мартинской декларации на самом деле не вышел за пределы дискуссии во время ее обсуждения¹⁶. Понятно, что содержание гипотетической клаузулы весьма волновало словацких автономистов в 1920-е гг. М.М. Криль пишет о том, что в 1928 г. В. Тука опубликовал информацию об этом документе, что вызвало резонансный политический скандал и повлекло, вместе с иными обвинениями 15-летнее заключение одного за антигосударственную деятельность (с. 167) с последующим поражением в правах на 3 года. Действительно, В. Тука полагал, что ему при помощи инженера Ганзалика, вознагражденного за «услугу» десятью тысячами крон, удалось найти «утраченный» текст секретной клаузулы, из которой должно было следовать, что 31 октября 1928 г. наступит *vacuum iuris* и на время снятый с повестки дня вопрос словацкой автономии (а может быть и более) опять вынырнет на поверхность политической жизни. И лишь в конце 1928 г. В. Тука узнал, что Ганзалик активно сотрудничает с проправительственными политическими кругами. Однако было уже слишком поздно что-либо предпринимать, поскольку его статья «В десятилетие Мартинской декларации», опубликованная еще в самом начале года в газете «Slovak», приобрела широкую огласку. Известный политик М. Иванка открыто обвинил В. Туку в стремлении отторгнуть словацкие земли от республики¹⁷. Таким образом, речь идет о политической провокации с использованием фальшивки, устроенной при попустительстве, если не по прямому наущению Пражского Града.

Подтверждением этому стали последующие события, которые во многих подобных случаях, где используются инструменты заказного политического «правосудия» с заблаговременно известным исходом дела, удивительно похожи. Согласно документам генерального консульства Германии в Братиславе, которое, как и дипломатическая миссия в Праге, весьма внимательно отслеживало текущие политические события в Чехословакии, утренние выпуски официальных

пражских газет к 10 часам 5 октября 1929 г. вышли с сообщениями о приговоре по делу В. Туки. В то же время само вынесение судебного приговора состоялось около 13 часов дня. На этом акцентировал внимание парламентариев депутат от Глинковской словацкой народной партии Й. Будай¹⁸.

Не исключая необходимости столь детального освещения вопросов, связанных с развертыванием движения Сопротивления в годы Второй мировой войны, следует отметить, что хотелось бы видеть более объемной характеристику коллаборационистского тисовского режима, во многом копирующего строй фашистских государств, но с клерикально-католическим уклоном, запятнавшего себя деятельным участием в холокосте и германской агрессии против Польши (единственное из государств оси, кроме самой Германии!) и СССР. К слову, политическая система тисовской Словацкой республики была далеко не однородной. В правящей партии национального единства Словакии, правопреемницы Глинковской словацкой народной партии выделялось два крыла. Ее умеренное консервативное крыло, возглавляемое президентом Й. Тисо стремилось к созданию авторитарного клерикального государства. Более радикальное крыло, непосредственно связанное с Глинковой гвардией — своего рода аналогом германской СА и возглавляемое премьер-министром В. Тукой и министром внутренних дел А. Махом, исповедуя принципы национал-социалистской идеологии, настаивало на создании этнически чистого тоталитарного государства, основанного на вождизме, последовательном антисемитизме с намерением целиком очистить страну от чехов. Однако, такой националистический максимализм навряд ли соответствовал менталитету сколь-нибудь значительного числа словаков. Соответственно, влияние радикального крыла в правящей партии имело ограниченный характер.

В историографии и общественном мнении оценки Словацкого государства 1939–1944 гг. и деятельности «словацкого Квислинга» можно считать устоявшимися. В частности, в научном дискурсе термин «Первая Словацкая республика» используется нечасто, дабы нынешнее словацкое государство, соответственно тогда, как Вторая Словацкая республика не выглядело бы каким-либо образом связанным с первым государственным опытом, имевшим место при столь сомнительных исторических обстоятельствах. Избегает его использования и М.М. Криль. Что касается граждан страны, то большая их часть считает период истории Словакии в годы Второй мировой войны, как минимум, не заслуживающим положительного отношения, а то и просто позорным, а 83 % респондентов, по результатам относительно недавних социологических опросов гордятся Словацким национальным восстанием 1944 г., как героическим событием времен войны¹⁹. То есть, преемственность между Словацким государством Й. Тисо и нынешней независимой Словакией отрицается.

Во введении к «Истории Словакии» автор оговорил те трудности, которые возникли во время транскрибирования на украинский язык словацких и венгерских топонимов и антропонимов. Тем не менее, за некоторыми исключениями, эта проблема была разрешена успешно. Лишь в одном, пожалуй, случае, транскрипцию топонима «Эстергом» в «Остригом» мы считаем неудачной, ибо она представляет собой архаичный, славянизированный перевод наименования церковной столицы Венгрии.

Подытоживая, сделаем вывод о том, что читатель получил в свое распоряжение обобщающее и основательное страноведческое пособие, необходимость в котором уже давно назрела в силу соседства двух стран — Украины и Словакии и их устойчивого интереса друг к другу. Изложенные нами рефлексии по поводу рассмотренной книги, от положений которой мы отталкивались, могут послужить определенным дополнением к, в своей основе, удачной конструкции образа Словакии в украинском видении.

Примечания

¹ См. *Яровий В.І.* Новітня історія країн Східної Європи. 40-ві – 90-ті роки ХХ ст. Курс лекцій. К.: Либідь, 1997; *Історія західних і південних слов'ян (з давніх часів до ХХ ст.).* Курс лекцій. За ред. проф. В.І. Ярового. К.: Либідь, 2001.

² *Бродель Ф.* Что такое Франция? Пространство и история. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1994. С. 230.

³ См.: Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения / Под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордогова. М.: Фонд Фридриха Науманна, «АИРО-XX». 352 с.

⁴ *Chlebowczyk J.* Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Środkowej w dobie kapitalizmu (od schyłku XVIII – do początku XX w.). — Warszawa-Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1975. S. 18.

⁵ *Матула В.* Характеристика процесса формирования нации у словаков // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М.: Наука, 1981. С. 88–89.

⁶ *Обушенкова Л.А.* Сопоставление процессов формирования польской, венгерской и словацкой наций // Там же. С. 56.

⁷ *Матула В.* Указ. статья. С. 90.

⁸ Там же. С. 89.

⁹ Там же. С. 86.

¹⁰ *Когут З.* Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України / Пер. з англ. Софії Грачової. К.: Критика, 2004. С. 78.

¹¹ Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006 С. 57.

¹² *Мыльников А.С.* К вопросу о формировании национального самосознания в период складывания наций в Центральной и Юго-Восточной Европе // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М.: Наука, 1981. С. 237.

¹³ *Вернадский В.И.* Украинский вопрос и русское общество. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.igrunov.ru/ukr/vchk-ukr-history/vchk-ukr-history-vernad.html>

¹⁴ *Желицки Ч.Б.* Поиски решения национального вопроса в Венгрии, 1848–1868 гг.: взгляды Л. Кощута и Й.Этвёша. Автореферат дисс. На соискание степени канд. ист. наук. М., 2000. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/poiski-resheniya-natsionalnogo-voprosa-v-vengrii-1849-1868-gg-vzglyady-l-koshuta-i-i-etvesha>

¹⁵ *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М.: Весь мир, 2002. С. 373.

¹⁶ *Slovensko v Československu 1918–1939.* Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akademie vied, 2004. S. 62.

¹⁷ *Ivanka M.* Proti tajnej irredente. Bratislava: b.v., b. r. v. S. 18.

¹⁸ *Manfred A.* Proces s Vojtechom Tukom zo spravodajstva nemeckého konzulátu v Bratislave. Časť 2. Dokumentačné prílohy // *Historický časopis.* 1992. Číslo 6. S. 724.

¹⁹ *Коваленко Е.* Главная дата Словакии. Словацкое национальное восстание 65 лет спустя // Частный корреспондент. 2009. 19 сентября. Интернет-ресурс. Режим доступа:

http://www.chaskor.ru/article/glavnaya_data_slovakii_10406